

Выступление Л.Г. Корнилова и Псковская губерния (Август 1917 г.)

ЛЕТОМ 1917 г. реальная власть уходила из рук Временного правительства. Местные органы власти оказались совершенно не готовы к столь быстро развивающимся событиям революции и с трудом справлялись со своими обязанностями. После Февральской революции во многих городах были разгромлены военные склады, оружие и боеприпасы оказались в руках местного населения. Во многих полках, расквартированных в Псковской губернии, солдаты отказывались подчиняться офицерам. Общество пропитывалось духом революционной вседозволенности. Пожары, погромы и грабежи, чинимые дезертирами и уголовниками, стали обыденной картиной жизни Псковской губернии. В сложившейся революционной ситуации именно уверенность и активность действий играли решающую роль в борьбе с анархией и беспорядками. Это прекрасно понимал и генерал Л.Г. Корнилов, вступая на путь решительных действий.

В результате неудачных переговоров с А.Ф. Керенским верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов принял решение ввести верные ему войска в столицу, арестовать Временное правительство и прочно занять Петроград. С этой целью 27 августа Корнилов приказал выступить в направлении Петрограда 3-му конному корпусу, который с приданной к нему Кавказской Туземной дивизией разворачивался в армию под командованием генерала А.М. Крымова.¹ Сама Кавказская дивизия, до этого дислоцировавшаяся под Проскуровом, разворачивалась в Туземный корпус, в состав которого вошли шесть конных полков малого состава: Дагестанский, Кабардинский, Татарский, Чеченский, Ингушский и Черкесский. Дивизии

были приданы Осетинская пешая бригада, артиллерийский дивизион, отряд конных пулеметчиков, два отряда медицинской службы и команда связи.² Дагестанский и Осетинский полки, а так же бригада 3-й Кавказской дивизии должны были присоединиться к Туземной дивизии в районе станции Дно.³ Сложный процесс развертывания Кавказской Туземной дивизии в корпус проходил в ходе передислокации в вагонах железнодорожных эшелонов, что значительно усложняло этот процесс.

Еще 12 августа Л.Г. Корнилов приказал перебросить в срочном порядке с Юго-Западного фронта 3-й конный корпус в составе 1-й Донской и Уссурийской казачьих дивизий. До 27 августа части Юго-Западного фронта передвигаясь в район Псков-Луга-Дно, не имели точного представления о целях своего командования. А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» отмечал: «Перед ними (частями Юго-западного фронта – Авт.) невольно должна была возникнуть мысль о возможности применения их сил и для разрешения вопросов внутренней политики. Истинная цель переброски не была известна; известен был лишь конечный пункт маршрута местечко Усве, на берегу Балтийского моря. Но общее мнение было таковым – идем на Петроград. Несомненно, офицерская среда в конечном итоге была готова на все. Но в толще войск настроение оказалось иное: 3-й конный корпус, Кавказская Туземная дивизия, быть может и много других частей были тогда вполне способны идти с Корниловым против большевиков и против советов, но в отношении Временного правительства они сохраняли еще «нейтралитет». Один только Корниловский ударный полк и Текинский могли безотговорочно следовать за Корниловым.⁴

К моменту, когда конфликт между Керенским и Корниловым вырвался наружу, т.е.

Васильев Максим Викторович – аспирант кафедры русской истории Псковского госпедуниверситета им. С.М. Кирова

28 августа, корниловские войска находились в следующих пунктах. Большая часть эшелонов 1-й Донской дивизии стояла в Пскове и могла двигаться к Петрограду по Варшавской железной дороге. Часть эшелонов Туземной дивизии находились на станции Дно, и их путь к столице должен был проходить главным образом по Витебской железной дороге. Уссурийская конная дивизия стояла в эшелонах близ Великих Лук, она так же могла двигаться по Витебской железной дороге до станции Дно, а затем, чтобы не загружать путь от Дно к Петрограду, должна была повернуть на Псков и через Гдов, Нарву подойти к столице. Таким образом, Донской и Туземной дивизиям для подхода к Петрограду требовалось пройти 200-250 км., Уссурийской – почти в три раза больше (600 км.) Организованного движения не получалось. Происходила постоянная неупорядоченная передвижка эшелонов. Некоторые полки и сотни отрывались от «своих», отставали или уходили вперед, смешиваясь с частями других дивизий.⁵

Во Пскове для борьбы с корниловскими частями был создан революционный комитет. Псковский Совет солдатских и рабочих депутатов и Псковский совет крестьянских депутатов организовали активную агитацию среди населения города с призывом оказать отпор корниловскому выступлению.⁶ В это время в Пскове значительную вооруженную силу представлял Псковский гарнизон, насчитывавший примерно 30 тыс. солдат, в основном из числа резервистов. Значительную долю псковского гарнизона составляли бывшие рабочие фабрик и заводов Петрограда, Москвы, Риги, городов, где были сильны революционные идеи.⁷ Солдаты, как отмечал начальник псковского гарнизона «полностью находились во власти революционных организаций крайнего направления».⁸ Другим центром скопления революционно настроенных солдатских масс оказался Порхов, где были расквартированы два запасных пехотных полка – 120-й и 63-й. Численность солдат, собиравшихся на митингах в Порхове порой достигала 12 тыс. чел.⁹ Революционные солдатские массы прекрасно понимали, чем грозит для них военная диктатура генерала Корнилова, призвавшего железной рукой навести порядок на фронте и в тылу. Во мно-

гих частях состоялись митинги, в солдатских комитетах воинских частей и подразделений установили круглосуточные дежурства. Солдаты псковской автороты привели в боевую готовность броневики, устанавливались пропускные посты у мостов через реку Великую. С антикорниловских позиций выступили фабрично-заводские комитеты Пскова и сотрудники телеграфов, которые задерживали телеграммы командования конного корпуса и информировали большевистский комитет о продвижении войск.¹⁰ В соответствии с указанием солдатских комитетов, солдаты приступили к обыскам и разоружению офицеров, находящихся в Пскове, а затем начались их аресты и расправы над ними. Наиболее распространенным поводом для арестов были солдатские доносы о «контрреволюционности» своих командиров.¹¹

В это время эшелоны Корнилова продвигались по железным дорогам губернии. Условия прохода войск и весь успех дела всецело зависел от качества работы железной дороги. Этим воспользовались революционно настроенные железнодорожники. Свыше 500 рабочих мастерских и паровозных бригад второго участка службы тяги на митинге в Пскове 28 августа приняли решение не давать в распоряжение Корнилова ни одного паровоза или вагона. В этот же день происходило районное собрание железнодорожных служащих, которые приняли аналогичную резолюцию.¹² Организованные заторы и завалы на железнодорожных путях существенно приостановили продвижение корниловских войск. Так, местные железнодорожники около станции Дно смогли организовать на стрелках путей крушение паровоза, в результате чего получился завал. Движение войск было приостановлено на несколько часов.¹³ В других местах железнодорожное полотно было частично разобрано. В своих мемуарах офицер «дикой» дивизии Н.Н. Брешко-Брешковский, говоря о продвижении воинских частей, отмечал: «Железнодорожники не чинили препятствий не потому, что не хотели, а потому, что боялись этих офицеров в кавказской форме и этих всадников, таких чужих, не говорящих по-русски. И железнодорожники с тупой злобой давали паровозы и пропускали поезда».¹⁴ Эти строки, напи-

санные исключительно в угоду личных амбиций, не имеют ничего общего с реальной ситуацией, сложившейся на псковских станциях 28-29 августа. Псковские железнодорожники, несомненно, опасались казаков и горцев, но несмотря на это их активная деятельность по предотвращению продвижения войск Л.Г. Корнилова имела огромный успех. Войска оказались разбросанными на обширном пространстве между Ревелем – Валком – Псковом – Дно.

Одной из самых стратегически важных железнодорожных станций в губернии на тот момент была станция, Дно от которой во многом зависела скорость продвижения частей Корнилова. По приказу Ставки погрузка эшелонов Туземной дивизии на станции Дно началась с утра 27 августа. «Когда нас отправляли в Петроград, - вспоминал Хаджи-Мурат Дзарахохов, - офицеры выдали каждому по два патронташа, т.е. боевую выкладку. И предупреждали: «Если с вами в пути будут заговаривать и в случае агитации – не отвечайте, говорите, что по-русски не понимаете. На вагонах эшелонов, вывели красные аншлаги с надписью: «Едут защитники демократической республики».¹⁵ Перед отправкой эшелонов на станции Дно был совершен террористический акт, позже расцененный, как корниловская провокация. В толпу горцев, стоявших на платформе, неизвестным лицом была брошена бомба, в результате взрыва которой было убито и ранено до 10 мусульман.¹⁶

Ко времени, когда окончательно остановилось железнодорожное движение, передовые части оказались далеко от Петрограда, и только одна бригада Туземной дивизии дошла своими передовыми частями до станции Семрино. Выяснилось, что за станцией Семрино железнодорожный путь разрушен. У станции Антрошино между разъездами Ингушей и Черкесов, с одной стороны, и высланными на встречу отрядами из Павловска и Царского Села – с другой, завязалась перестрелка. Это было единственным боевым столкновением корниловских и правительственных войск. Командовавший ингушами и черкесами князь Гагарин, опасаясь оторваться от основных сил и попасть в окружение, не решился продвинуться вперед.¹⁷

В это время командующий Туземной дивизией князь Багратион продолжал оставаться в Дно, ожидая прибытия генерала П.Н. Краснова, назначенного новым командиром 3-го конного корпуса. Сам П.Н. Краснов смог добраться до станции Дно лишь к утру 29 августа.¹⁸ Позже в своих мемуарах генерал так описывал происходившие события на станции Дно: «В шесть часов утра мы прибыли на станцию Дно и здесь нам заявили, что поезд дальше не пойдет: между Вырицей и Павловском путь разобран, идет перестрелка между всадниками Туземного корпуса и солдатами Петроградского гарнизона, вышедшими навстречу. Все пути были заставлены эшелонами с частями Туземного корпуса. В зале I и II классов и в буфете, несмотря на ранний час, столпотворение вавилонское. Офицеры, всадники, солдаты. Кто спит на полу или на лавке, кто уже обедает, кто пьет чай, кто разложил карты и в толпе откровенно диктует приказание. Кухонный чад, волны табачного дыма и отсутствие какого бы то ни было воинского порядка. Никто толком ничего не знал. Эшелоны застряли на всем пути, но никто не знал, что делать, приказаний ни от кого получено не было. Осетины и дагестанцы могли подойти только через несколько дней. Командир туземного корпуса князь Багратион находился в верстах в восьми от станции в каком-то имении».¹⁹

В каждой строчке воспоминаний генерала подчеркивается явная нерешительность действий корниловцев, порожденная отсутствием связи с командованием частей и отдельными эшелонами. «Солдаты и казаки стояли на станции, замершей в каком то сне железной дороги. Иногда по чьему-то, никому неизвестному распоряжению к какому-нибудь эшелону прицепляли паровоз и его везли два, три перегона и потом он оказывался где-то в стороне, на глухом разъезде без паровоза, без фуража для лошадей, без обеда для людей. В то время, как штаб Корнилова был парализован и, выпустив части, на этом и успокоился, пособники Керенского в лице разных мелких станционных комитетов и советов и даже просто сочувствующих Керенскому железнодорожных агентов и большевиков, которые уже начали свою работу, запутывали положение корпуса до невозмож-

ного. Части конной армии генерала Крымова мирно сидели в вагонах с расседланными лошадьми при полной невозможности местами вывести этих лошадей из вагонов за отсутствием приспособлений на станциях и разъездах восьми дорог. Войска были в Новгороде, Чудове, на ст. Дно, в Пскове, Луге, Гатчине, на промежуточных станциях и разъездах! Не только начальники дивизий, но даже командиры полков не знали точно, где находятся их эскадроны и сотни». ²⁰ Так вполне объективно оценивал ситуацию генерал П.Н. Краснов.

Около двух часов дня 29 августа на станцию Дно прибыло два эшелона Приморского драгунского полка. Солдаты выскочили из вагонов и собрались на опушке леса за путями. Здесь они устроили свой небольшой митинг, решая, кто действительно изменник: Корнилов или Керенский? По просьбе командира полка полковника Шипунова генерал П.Н. Краснов выступил с речью перед драгунами, убедив их ехать во Псков, где располагался штаб Северного фронта. Драгуны разошлись по вагонам и через полчаса их эшелоны потянулись по освобожденному пути. ²¹

В тоже время, еще ранним утром 27 августа, из Пскова начала выдвигаться 1-я Донская дивизия, при которой находился штаб генерала А.М. Крымова. К вечеру головные эшелоны подошли к Луге, где Крымов и начальник штаба генерал М. Дитерихс догнали дивизию и решили форсировать движение к Гатчине. Но продвижение 1-й Донской дивизии к концу 28 августа практически остановилось, часть эшелонов с донскими казаками так и не смогла покинуть Пскова. ²² Составы Уссурийской конной дивизии продолжали стоять около Великих Лук и Новосokolьников. Корниловские эшелоны были задержаны также на станции Печеры. ²³

Маленькие станции и полустанки во многом влияли на ход тех событий, и в результате предопределили судьбу дела Корнилова. 30 августа на железнодорожные станции была доставлена телеграмма Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов тылового района Северного фронта на имя комиссара военных организаций с приказом: «Препятствовать всеми мерами посылке войск в Петроград». ²⁴ В этот же день через Дно должны были пройти несколько

эшелонов «дикой» дивизии, но все паровозы были поставлены в депо, топки закрыты, вода спущена. Паровозники попрятались. Казаки попытались заставить рабочих формировать эшелоны и выводить из депо паровозы, но железнодорожники не подчинились. ²⁵ Уверенность в действиях рабочим депо вселяло вооруженное подкрепление, прибывшее на станцию. Так, в помощь дновцам псковские большевики послали вооруженный отряд из 40 человек. Он выгрузился у деревни Чернеты, в километре от станции. Из Порхова подошли две роты революционных солдат. ²⁶ В Дно выехали также члены Псковского большевистского комитета, расставившие караулы возле телефона и телеграфа. ²⁷ Но несмотря на наличие вооруженных команд, путейцы вполне обоснованно опасались казаков. Так, ощущая военную слабость своих вооруженных отрядов, помощник коменданта станции Дно, поручик Шукельд 30 августа просил выслать из Пскова дополнительно полк с пулеметной ротой для разоружения эшелонов Туземной дивизии. ²⁸ «Вся церемония встречи эшелонов не что иное, как маскировка своего страха перед казаками, могущими дружно выскочить из вагонов, и с нагайками в руках с гиком обрушиться на них и гнать их до полного изнеможения. Я был уверен, что, несмотря на обилие вооружения, все эти новоиспеченные защитники революции при соприкосновении с казаками чувствовали себя не совсем спокойно и, наверное, не могли отделаться от невольного чувства страха», ²⁹ – вспоминал о тех днях генерал И.А. Поляков, в дальнейшем начальник штаба Донской армии Вооруженных сил юга России. Именно казакам и горцам генерал Л.Г. Корнилов отводил ведущее место в наступлении на Петроград. Незадолго до выступления Совет Союза казачьих войск, войсковые атаманы, правление казаков Юго-Западного фронта и другие казачьи организации открыто поддержали действия главковерха по наведению порядка на фронте и в тылу. К тому же казачьи части продолжали оставаться верными командованию, сохраняя порядок и дисциплину в своих рядах. ³⁰

Сил для вооруженного противостояния у сторонников революции не хватало, и они решили перейти к агитации в частях Корни-

лова. Для этого на станции Псков-1 и Псков-2 выехали большевистские агитаторы, на станции Березки работал агитатор Джатьев³¹. В Дно отправились из Пскова М.П.Ушарнов, К.В. Гей и А. Чечуева, владевшая кавказскими языками.³² Активная агитация в солдатской массе не могла быть не замеченной. Отдельные агитаторы были арестованы, но это не принесло корниловским офицерам желаемого результата. Генерал П.Н. Краснов впоследствии писал: « Повсюду мы видели одну и ту же картину: где на путях, где в вагоне, на седлах у склонившихся к ним головам вороных и караковых лошадей сидели или стояли драгуны и среди них – юркая личность в солдатской шинели. Слышались отрывистые фразы.

– Товарищи! Керенский – за свободу народа, а генерал Корнилов – за дисциплину и смертную казнь. Неужели вы с Корниловым?

Наши противники пустили по железным дорогам сотни агитаторов, и ни одного не было от Л.Г. Корнилова.»³³

Отсутствие профессиональных агитаторов в армии Корнилова сыграло значительную роль в деле срыва похода на Петроград. К вечеру 30 августа в Дно стоял 5-й эшелон Туземной дивизии с боеприпасами и продовольствием. На станции было созвано совещание всех организаций: партийной, профсоюзной, Советов, на которое был приглашен и командир эшелона. После долгих переговоров командир заявил, что горцы сами любят свободу и отнимать ее у других не намерены.³⁴ Под влиянием неудачной организации похода и большевистской агитации горцы перестали слушаться офицеров, и организовали митинг, на котором была вынесена резолюция: не помогать Корнилову и ехать домой. Тут же были арестованы некоторые офицеры.³⁵ В результате активной деятельности агитаторов-социалистов драгуны Приморского полка были распропагандированы и категорически отказались отправляться далее из Пскова, по их же настоянию было арестовано 18 офицеров.³⁶ В том числе во Пскове был задержан и командующий 3-м конным корпусом генерал П.Н. Краснов, который после допроса, учиненного члена-

ми Псковского исполкома, был отпущен под подписку и обещание не покидать города. 29 августа к казакам 1-й Донской дивизии прибыли новые группы агитаторов от ВЦИКа Советов и местных Советов рабочих и солдатских депутатов. В настроениях казаков, и без того терзаемых сомнениями, начал обозначаться перелом. Он произошел на следующий день, когда казаки 9-го и 13-го Донских полков этой дивизии заявили об отказе продолжать движение на Петроград. В этот же день, 30 августа, общее собрание комитетов, частей и подразделений Уссурийской конной дивизии приняло постановление о подчинении Временному правительству и осуждении корниловского выступления.³⁷ Несмотря на запрет Петроградского генерал-губернатора Савинкова, проводить какие либо аресты в казачьих частях, в силу того что они не имели представления о замыслах Корнилова,³⁸ большая часть офицеров 1-го Уссурийского, 1-го Нерчинского и 1-го Амурского казачьих полков были арестованы. «Люди отлично понимали отсутствие управления и видели всю ту бестолковщину, которая творилась кругом, и начинали арестовывать офицеров и начальников»,³⁹ – вспоминал П.Н. Краснов.

К 1 сентября в Пскове стояли Приморский драгунский и Уссурийский казачий полки, солдаты которых начали разоружаться и расходиться по деревням, «драгуны в большом порядке, уссурийцы в порядке относительном».⁴⁰ Все остальные части были повернуты обратно и направлены во Псков.

Так за несколько дней отборные части Л.Г. Корнилова пали духом и быстро превратились в деморализованные массы. Причины произошедшего кроются как в активной работе большевиков и железнодорожников, так и пассивности штаба Корнилова и всех офицеров, участвовавших в походе на Петроград. Проблемы с железнодорожным сообщением и связью, активная революционная агитация и отсутствие в эшелонах генерала Л.Г. Корнилова, оставшегося в Ставке, породили смятение в умах офицеров и солдат и неверие в собственные силы. Попытка генерала Л.Г. Корнилова по захвату власти в Петрограде рухнула, еще не успев начаться.

Примечания

1. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. // Архив русской революции. Т.1, М., 2000, С. 28.
2. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. Л., 1984. С. 98.
3. *Врангель П.Н.* Записки. Кн.1. М., 2001, С. 149.
4. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Т.2. М., 2006. С. 74.
5. *Иоффе Г.З.* Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1983. С131-132.
6. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. С. 86.
7. Там же. С. 26.
8. Установление и упрочение советской власти в Псковской губернии. 1917-1918 гг. Сборник документов. Псков, 1957. С. 16.
9. *Осокин П.* Революция в Порхове. Долой самодержавие. // Коммунистический труд. 1966. 9 декабря.
10. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. С. 86-87.
11. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 30.
12. ГАПО. Ф.Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
13. *Мельников С.Е.* Дно. Л., 1989. С. 44.
14. *Брешико-Брешиковский Н.Н.* Дикая дивизия. М, 2007. С. 120.
15. *Иванов Н.Я.* Корниловщина в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977. С. 187.
16. Там же. С.187.
17. *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 137.
18. *Милюков П.Н.* Ликвидация восстания Корнилова. // История второй русской революции. Т.1. М, 2001. С.409.
19. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. // Архив русской революции. Т.1. С. 28.
20. Там же. С. 28.
21. Там же. С. 29.
22. *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. С. 136.
23. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. С. 89.
24. 1917 год в Дно. // Заветы Ильича. 1967. 20 октября.
25. *Мельников С.Е.* Дно. С.45.
26. ГАПО. Ф.Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 270.
27. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. С. 89.
28. ГАПО. Ф.Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 381.
29. *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. М., 2008. С.68.
30. *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 250.
31. *Иванов С.А.* Красный Октябрь на Псковщине. С. 89.
32. *Мельников С.Е.* Дно. С.45.
33. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Архив русской революции. Т.1. С. 30.
34. *Хвалынский В.А.* В Дно накануне Октября. // Дновец. 1957. 6 сентября.
35. 1917 год в Дно. // Заветы Ильича. 1967. 20 октября.
36. ГАПО. Ф.Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 299.
37. *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. С.257.
38. ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 2. Л. 305.
39. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Архив русской революции. Т.1. С. 30.
40. Там же. С. 46.